

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ИЭА РАН

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии Ордена Дружбы народов им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН» – один из наиболее сильных академических коллективов России с неизменно активной, широко известной и признанной ролью в решении как научных и образовательных, так и прикладных задач в области антропологии, в широком понимании термина. 85-летняя история Института – это десятки поистине выдающихся этнографов, археологов, фольклористов и физических антропологов, а также сотни уникальных исследовательских и издательских проектов. Результаты исследований сотрудников Института все эти годы были и остаются востребованными и в обществе в целом, и на самых разных уровнях государственной власти, в частности. Институт регулярно участвует в реализации государственной переписи населения и в разработке Стратегии государственной национальной политики РФ, а также, по инициативе акад. В.А. Тишкова, осуществляет в течение последних десятилетий мониторинг этнополитической ситуации в регионах России и сопредельных государствах.

Сохранение межнационального согласия в стране – одна из важных миссий Института, отмеченная Орденом Дружбы народов, которую он может и должен выполнять и в дальнейшем. Не менее важным видится выведение Института в число лидеров мировой антропологии по максимально возможному числу антропологических субдисциплин. Часть из них, как, например, физическая антропология с уникальной лабораторией пластической реконструкции, существуют уже много десятилетий. Часть была создана в последние 2–2,5 десятилетия: этнополитические и (этно)гендерные исследования, юридическая антропология, кросс-культурная психология и этология человека, медицинская антропология, аудиовизуальная антропология и ряд иных направлений. Однако, при этом были закрыты или понижены в статусе отделы Поволжья, Америки, Средней Азии, что представляется не совсем верными шагами в реформе институтской структуры; попытка создания актуального для современности сектора по антропологии религии оказалась неудачной. Я полагаю, что залогом успеха развития Института должно являться продолжение поступательного движения отечественной этнологии в русле современной социокультурной антропологии, при безусловном сохранении лучших традиций отечественной этнографической науки.

Базовые принципы реализации намечаемой программы предлагается строить на сохранении лучших традиций института в области этнографии и этнологии при обязательном включении в разработку современных направлений и подходов мировой антропологии; важнейшей составляющей должен стать качественный рост научных кадров и, конечно же, научных и прикладных результатов, в том числе благодаря расширению международного сотрудничества, связей ИЭА с признанными международными научными центрами социокультурной антропологии; чрезвычайно значимым, опорным принципом должно быть увеличение доли внебюджетного целевого финансирования, что поможет решить насущные вопросы финансового обеспечения полевых исследований и кардинального обновления материально-технической базы всех отделов, а также – что особенно важно – обеспечит достойные зарплаты сотрудников.

Основные тактические задачи и возможности для их решения

- Как научная организация, лидирующая в России по многим направлениям современной антропологии/этнологии, Институт имеет значительные **резервы** для выхода на лидирующие позиции в *мировом научном пространстве*.

Наша номенклатурная специальность «07.00.07 этнография, этнология и антропология» удачно объединяет в себе методическую основу нашей науки – этнографию; изучение этнического измерения бытия человеческих сообществ – этнологию; исследование культурного многообразия и социальной жизни человечества, но также и биологической природы

человека – то, что мы именуем социокультурной антропологией и антропологией физической. Эту триаду нашего научного профиля необходимо сохранять в деятельности института, разумно уравнивая ее составляющие.

Изначально хочу подчеркнуть важность региональных этнографических исследований, которые в значительной степени дают первичный полевой материал для наших книг и статей. При обязательном сохранении и всесторонней поддержке существующих отделов Русского народа, Севера и Сибири, Кавказа, центров Европейских и американских исследований, Азиатских и тихоокеанских исследований, считаю необходимым развивать прибалтийско-финское и скандинавское направление, восстановить отдел Поволжья и Приуралья, а также активно поддерживать американистику.

Очевидно, что своей значимой роли в решении стратегически и тактически важных задач в сфере национальной политики Институт во многом обязан деятельности Центра этнополитических исследований, Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), Центра по изучению межэтнических отношений и относительно недавно созданного Распределенного научного центра по изучению межнациональных и межрелигиозных проблем. Представленность Института на политически значимых форумах страны и в целом активная экспертная деятельность всех, без исключения, сотрудников каждого структурного подразделения – это значимый ресурс как для сохранения имиджа организации, так и для расширения поля исследований и, соответственно, их финансового обеспечения, не говоря уже о том, что это реальный вклад в устойчивое развитие российского общества.

Современная структура Института примерно в равных пропорциях – и этот подход важно сохранить в будущем – состоит из региональных/этнических отделов и отделов, названных в соответствии с наименованием этнологических/антропологических субдисциплин. До известной степени они вписываются в знаменитую Боасовскую тетраду, за исключением того, что социокультурная антропология в институте по минимуму представлена современными направлениями, а археология – это лишь кабинет-музей этноархеологии имени С.П. Толстова (фактически хранящий лишь наследие Хорезмской экспедиции) и один-два сотрудника в непрофильных отделах, а такой экзотики для российской науки как лингвистическая антропология нет вообще. Я не говорю об обязательном движении в сторону четырехчастной антропологии, но для сближения с мировой наукой нам надо располагать гибкой системой взаимодополняемых крупных направлений (в ИЭА это отделы, центры, лаборатории) и частных (ограниченных по времени существования) проектов, что позволит решить сразу несколько серьезных задач: (1) оперативно реагировать на современные тематические/теоретические тренды в мировой антропологии и (2) перейти от редких обзоров диссертаций и еще более редких рассмотрений рукописей книг в отделах к формату больших регулярных семинаров с обсуждением всех значимых текстов и актуальных для мировой науки тем с приглашением, в том числе, других ведущих антропологов страны и мира. Работа научных и методологических семинаров в ряде подразделений Института в последние пару лет значительно активизировалась, но я вижу большие перспективы в ее расширении.

- Как организация, выполняющая фундаментальные научные исследования, результативность которых, в первую очередь, характеризуется качеством и количеством научных публикаций, Институт нуждается **в значительном увеличении:**
 - а) **числа публикаций**, индексируемых в международных информационно-аналитических системах научного цитирования (в первую очередь, в качественных антропологических журналах баз данных Web of Science / Scopus), что необходимо достигать не (только) за счет простого роста числа публикаций, но увеличения числа ученых, в том числе молодых исследователей, печатающихся в таких журналах. Последнее может осуществляться путем проведения семинаров и мастер-классов по написанию текстов для топ-журналов на

русском и английском языках, широкого подключения сотрудников к рецензированию статей для ведущих журналов мира, за счет создания новых и развития имеющихся собственных периодических и серийных изданий. Необходимо решить, наконец, давно существующую проблему обеспечения максимально широкого доступа сотрудников к полнотекстовым и реферативным ресурсам и электронным журнальным базам, без чего успешно заниматься нашей наукой в современном мире просто невозможно. Попутно отмечу назревшую необходимость переформатирования подхода к изданию монографических работ: все книги сотрудников Института просто обязаны иметь презентабельный вид на уровне того, что обеспечивают мировые лидеры вроде Berghahn, Routledge, Wiley Blackwell, выходить большими тиражами и быть доступными для приобретения в том числе по сети Интернет. Все это вполне достижимо при заключении договоров с профильными крупными издательствами.

б) представительства сотрудников и аспирантов Института на крупнейших международных антропологических форумах – IUAES, AAA, EASA, IASSA, CHAGS и др. Удручающая не(до)представленность российских участников на конгрессах этих ассоциаций влечет к продолжению самоизоляции отечественной этнологии/антропологии и (как одно из следствий) невозможности активно публиковать/обсуждать результаты своей работы в профессиональной среде, а также (как еще одно следствие) к неостребованности в международных консорциумах, способных обеспечивать научные исследования в финансовом плане. Решение этой проблемы будет во многом зависеть от готовности сотрудников к участию в таких форумах и от наличия достаточного финансирования. Особо следует сказать об уже многолетнем отсутствии конгрессов и конференций крупных международных ассоциаций на площадке Института. Если мы хотим позиционировать себя как лидеров, мы должны активнее бороться за право проведения у себя форумов такого уровня.

- Необходимость увеличения заработной платы сотрудников института, финансового обеспечения возможности полевых экспедиционных исследований, участия в значимых международных форумах, а также изменения подхода к обеспечению материальной базы свидетельствует о важности **увеличения доли внебюджетного целевого финансирования ИЭА РАН с привычных в 2015–17 гг. 30-35%, по меньшей мере, вдвое.**

Институт до настоящего времени сохраняет лидирующее положение во внутренней грантовой «гонке»: количество грантов по этнографии, полученных в РГНФ и РФФИ: 2014 г. – 46, 2015 г. – 43, 2016 г. – 32 и 2017 г. – 33, — в целом довольно велико и позволяет говорить о первенстве на фоне всех иных отечественных профильных институтов и вузов. Но при этом надо особо подчеркнуть, что ни один из сотрудников Института не является руководителем крупных (30 и более млн. руб./год) проектов, а число средних по размерам грантов РНФ (4–6 млн. руб./год) ничтожно мало. Абсолютно незадействованным оказался ресурс программы мега-грантов Правительства РФ и больших международных проектов. Институт до сих пор не располагает собственным оборудованием, необходимым для работы, например, в 3D формате, что отнюдь не служит повышению конкурентоспособности на фоне зарубежных, а отчасти и некоторых российских научных центров; в большинстве отделов просто недостаточно компьютеров и оргтехники, а имеющееся оборудование, как правило, морально и физически устарело. Необходимо срочно решать вопрос о приобретении современного издательского оборудования, которое может и должно использоваться для качественной и оперативной печати институтской периодики, материалов конференций, препринтов наших статей, а также учебных и учебно-методических пособий для наших учащихся/аспирантов, коль скоро Институт выполняет образовательные функции. Особой проблемой является катастрофическое положение помещения Центра физической антропологии с уникальной и богатой коллекцией, которая располагается в подвале жилого дома, хотя вполне могла бы составить основу экспозиции антропологического музея при ИЭА.

Мало используются возможности международного сотрудничества, во многом из-за свертывания программы безвалютного межакадемического обмена.

Максимально быстрое решение обозначенного круга серьезных проблем возможно в случае планомерной (пере)подготовки сотрудников и аспирантов в сфере грантозаявительной деятельности, обучения современным навыкам академического письма, что создаст условия для реализации крупных проектов на базе Института, а также развития международного сотрудничества, в том числе за счет заключения двусторонних и многосторонних договоров с крупнейшими академическими и вузовскими центрами мира. Последние могут предоставить возможность стажировок за рубежом не только сотрудникам, но и аспирантам, что должно стать нормой в процессе их подготовки. Значительные перспективы, в том числе в финансовом обеспечении работы ИЭА РАН, заложены в открытии магистратуры и в организации курсов повышения квалификации госслужащих – напомним, что обе эти формы заявлены в качестве уставных в деятельности Института.

Можно еще долго говорить о значимости научных исследований, но какую цену все они будут иметь, если Институт не сможет заботиться о здоровье своих сотрудников?! Наш образ жизни требует обязательных регулярных профилактических осмотров, отдыха и лечения в профильных санаториях, включения в республиканские и городские программы здоровья («Московское долголетие», напр.) и, о чем, кажется, никто и никогда у нас не задумывался, обязательного страхования при выезде в экспедиции.

Успешная реализация среднесрочной программы развития Института этнологии и антропологии РАН – при максимально внимательном отношении к каждому сотруднику – позволит коллективу продолжить движение к большей интеграции в мировое антропологическое пространство, сохранив и укрепив при этом не только в ближайшее десятилетие, но и на более длительную перспективу лидирующие позиции в российской антропологии / этнологии.

Д.А. Функ